

Владимир Сорокин

Капитал

Пьесы

Издательство аст

Москва

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)6-6
С65

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Сорокин, Владимир
С65 Капитал. Пьесы / Владимир Сорокин. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2019. — 672 с.

ISBN 978-5-17-108674-9

В сборник “Капитал” вошли все пьесы Владимира Сорокина, написанные за четверть века — с середины 1980-х по конец 2000-х.

Выстроенные в хронологическом порядке, они ярко демонстрируют не только разные этапы творчества писателя, но и то, как менялся главный герой его произведений — русский язык во всех проявлениях: от официозного до интимного, от блатного до производственного жаргона. Карнавальная составляющая сорокинской полифонии разворачивается в его драмах в полную силу и завораживает многообразием масок, у которых есть одна, но очень важная общая черта: все они напоминают (или попросту передразнивают) героев русской классической прозы.

В конце 1980-х Сорокина ставили полуподпольно, в девяностых “Dostoevsky-trip” и “ЩИ” играли в легендарном московском Театре на Юго-Западе, середина 2000-х отмечена альянсом писателя с театром “Практика” и удачными постановками “Свадебного путешествия” и “Пельменей” в России и Германии. Но несмотря на разную сценическую судьбу, пьесы Сорокина всегда точно попадали в нерв времени, предсказывая и опережая тенденции развития современного русского театра.

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)6-6

ISBN 978-5-17-108674-9

- © Владимир Сорокин, 2010, 2019
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019
- © ООО “Издательство АСТ”, 2019
Издательство CORPUS ©

СОДЕРЖАНИЕ

ЗЕМЛЯНКА	9
ДОВЕРИЕ	57
ПЕЛЬМЕНИ	111
РУССКАЯ БАБУШКА	163
ЮБИЛЕЙ	191
С НОВЫМ ГОДОМ!	223
ДИСМОРФОМАНИЯ	241
НОСНZEITSREISE.....	321
ЩИ	389
DOSTOEVSKY-TRIP	491
КАПИТАЛ	541
ЗАНОС	585

· ЗЕМЛЯНКА ·

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Соколов Сергей Петрович — 25 лет, старший лейтенант.

Волобуев Виктор Тимофеевич — 42 года, лейтенант.

Денисов Алексей Васильевич — 24 года, лейтенант.

Рубинштейн Зиновий Моисеевич — 20 лет, лейтенант.

Пухов Иван Иванович — 20 лет, лейтенант.

В центре темной сцены тесная прокопченная землянка. В ней на грубых березовых комельях сидят Соколов, Волобуев, Денисов, Рубинштейн. Они в полушубках, перетянутых портупьями, в шапках-ушанках. Посередине землянки стоит ящик из-под снарядов, на ящике — сделанная из гильзы лампа-коптилка. В углу потрескивает печка-буржуйка.

ВОЛОБУЕВ (грея руки над буржуйкой). Ну что, Леш, почитай газетку.

ДЕНИСОВ (растегивает полушубок, бережно достает газету, разворачивает). Так...

СОКОЛОВ. Да ты двигайся ближе, не видно ж ничего.

РУБИНШТЕЙН (берет коптилку, подносит к газете). А мы вот так устроим.

ДЕНИСОВ (устало усмехнувшись). Во. Как днем. Так...

Читает.

В ночь с 26 на 27 декабря на Курском направлении после продолжительной артподготовки...

СОКОЛОВ (перебивает). Погоди-ка! Что ж мы про Ваню за-

были? Подожди, Леш, он сейчас вернется, тогда все и послушаем.

Волобуев. Да что он, сам не прочтет? Придет и прочитает. Читай!

Соколов. Отставить. *(Укоризненно Волобуеву.)* Как харчи принести — так Пухов.

Волобуев *(недовольно)*. А что... у кого кость помоложе, тот и пусть подсуется. Нам денщиков не положено — рожей не вышли.

Рубинштейн. Вы, Виктор Тимофеевич, всем вышли, а вот равных по званию почему-то не уважаете.

Волобуев. Эх, мальчики. Попались бы вы мне год назад. Когда я в майорах ходил. Тогда б поговорили об уважении.

Соколов. Да хватит вам, Волобуев. Будто мы все виноваты, что вас разжаловали.

Волобуев *(растегивает ремень и полушубок)*. Хватит, не хватит... Вы на войне без году неделю, а мне вон... *(Снимает ушанку, показывает шрам на виске.)* В Гражданку еще вlepили белые. Тогда помоложе вашего Пухова был. Финскую прошел. Вот и толкуйте, кто кого уважать должен.

Денисов. А за что же вас... ну... того?

Волобуев *(достаёт кисет, принимается сворачивать самокрутку)*. За что, за что... За то, что не люблю, когда врут и цену себе набивают.

Рубинштейн. Это как?

Волобуев. Да вот так. Были на маневрах, под Киевом. Ну, я батальоном командовал, а в политруках у меня такая сволочь ходила — не приведи встретиться. Карьерист, выскочка, сынок генеральский. Ну и короче, когда Днепр форсировали, у нас солдат утонул. А эта сволочь дело так представила, что, дескать, солдата специально утопил другой солдат.

И сделал это потому, что в душе был классовым врагом. Вот. Ну и пошел раздувать, особистов на солдата навесил. Потом и сержанта зацепил, а после, глядь — и старшину нашего, Петровича. Тот ему, гаду, в отцы годился. Ну, здесь уж я не стерпел, вызвал его на разговор. Как же, говорю, так можно преданных людей марать? А он мне — у тебя, Волобуев, политическая близорукость. У нас в батальоне троцкистские выкормыши свое тайное гнездо вьют, а ты не видишь ничего. Вот как. Смотрит на меня орлом, а после говорит — если, Волобуев, ты и дальше будешь покрывать классовых врагов, то я доложу кому надо. Ну, тут я уж не сдержался — кааак врежу ему по роже. Он с копыт. А я — с майоров.

Отворяет дверцу печки, поджигает ветку и прикуривает. Дверь землянки распахивается, входит Пухов с двумя большими котелками в руках.

Пухов. Принимай жратву, братцы!
Волобуев. Во! Это — дело!

Все помогают Пухову расположить котелки на ящике.

Пухов. Нам самый верх! А каша с маслом.
Рубинштейн. Вань, ты просто Кутузов!
Денисов. Наш Ваня — человек бывалый.
Пухов. А то как же!
Волобуев. По местам.

Достает ложку, открывает котелок.

Со щей начнем.
Соколов. Леш, достань хлеб.

ДЕНИСОВ (*развязывает вещмешок, вынимает буханку*). На.
СОКОЛОВ (*режет хлеб*). Вань, как там обстановочка?
ПУХОВ. Нормально. Твои на гармошке играют.
СОКОЛОВ (*усмехается*). Это Диденко. Хороший парень.
ВОЛОБУЕВ. Ну что, командир, замочим жало?

Соколов вынимает фляжку со спиртом, Рубинштейн дает кружку. Все по очереди пьют из кружки спирт и принимают есть из котелка.

СОКОЛОВ. А мы, Ваня, без тебя газету не читали.
ПУХОВ. Вот спасибо. Может, почитаем?
ДЕНИСОВ (*хлебая щи*). Дай поесть сперва.
ПУХОВ. Поесть успеешь. У кого газета?
ДЕНИСОВ. У меня.
ПУХОВ. Дай почитаю.

Денисов передает ему газету.

ПУХОВ (*читает*). В ночь с 26 на 27 декабря на Курском направлении после продолжительной артподготовки умели делать по-гнилому. Мы делали по-гнилому, развертывали по-гнилому, и стаскивали по-гнилому, и клали по-гнилому, положение теплое по-гнилому, положение участливое по-гнилому, урон выщербленных по-гнилому, дислокация тебя по-гнилому, наматывание на вал по-гнилому, чешуйчатость половины по-гнилому, полевая батарея по-гнилому, пленный дивизион по-гнилому...
ВОЛОБУЕВ. Не гони. Читай помедленней.
ПУХОВ (*продолжает медленней*). Распределитель веса по-гнилому, использование огня по-гнилому, отслаивание детей по-гнилому, окопная война по-гнилому, делание через чох по-гнилому, обрадование

по-гнилому, тропинчатость по-гнилому, делать ворот по-гнилому, искроулавливатель по-гнилому, тайный маршрут по-гнилому, полодие по-гнилому, лампопрокатчик по-гнилому, бумагоделатель по-гнилому, речное большинство по-гнилому, резка вещей по-гнилому, чужие поручни по-гнилому, телефонизирование по-гнилому, бронхиальные кнопки по-гнилому, буквопечатание по-гнилому, лошадиный инвентарь по-гнилому, истаро истаропно по-гнилому, четность ошибок по-гнилому, истопник пружин по-гнилому, дело детей по-гнилому, отправление корпуса по-гнилому, поздравления по-гнилому.

Соколов. Ну и правильно. Давно пора эту пробку вышибать.

Рубинштейн. Эх, товарищи, хорошо бы их там всех поморозило к чертовой мамушке!

Денисов. Сначала мороз поморозит, а потом мы будем морозить так, что нам потом будут делать только на мороз. Ну... то есть, ну, когда... (*жестикულიрует ложкой*) морозят сильно, то есть очень сильные подмораживания по правилам. Сильно их, а?

Волобугев. Подморозим, не бойсь. Дай только время. Они еще от нас будут Берлин оборонять. Доберемся до логова, тогда и поморозим.

Соколов. Ну, морозить там, не знаю. У них тепло, климат европейский.

Рубинштейн. Климат — да. У них исключительно тепло. Но иногда и холодные зимы бывают.

Ест из котелка.

Пухов (*разглядывает газету*). А тут еще... вот.

Читает.

На утрени пред пением великого славословия священник с диаконом кадит престол и Крест, обходя престол трижды. При пении Трисвятого священник возьмет честный Крест с блюдом на главу и выходит, предшествуемый двумя лампадами и кадильницей, чрез северные двери. Придя к царским дверям и став лицом прямо против них, священник ожидает конца пения Трисвятого. По окончании Трисвятого священник провозглашает: “Премудрость, прости”. Певцы поют трижды тропарь “Спаси, Господи, люди Твоя”. Священник несет Крест к аналою, против царских врат, полагает на нем Крест, кадит его крестообразно с четырех сторон, обходя аналою трижды. Затем священник с диаконом трижды поют “Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и Святое Воскресение Твое славим”, и каждый раз при пении этого стиха священник с диаконом до земли поклоняются Кресту. После этого певцы поют трижды тот же стих. По исполнении пения священник с диаконом поклоняются дважды и целуют Крест, а по целовании кланяются один раз пред Крестом... Рубинштейн. Вот надо как, чтобы разговор был проще.

Волобуев. Забьем, сто раз сделаем победу.

Ест.

Соколов. Ваня, а ты... это... они мне тогда послали. Посылали и направили, ну, разное там... простое совсем...

Жует хлеб.

Денисов. Ох, после щец в пот бросает.

Расстегивает полушубок.

Соколов. Пот, ну, пот, это, когда мы имеем... ну, разное там... как вот Леша тут про мороз говорил. Мороз, Леша? Ты ешь, ешь.

Денисов кивает и молча ест.

Пухов. Пот тоже нужен.

Не выпуская из левой руки газету, правой хлебает щи.

Волобугев. Пот поту — рознь. Есть пот от тела, а есть, так сказать, пот души.

Открывает другой котелок.

О! Каша, еда наша. А ну-ка, а ну-ка, у бабушки было три внука! Навались...

Ест кашу. Некоторое время едят молча.

Волобугев. Каша хороша...

Жует.

Каша наша. Вся. Я... это... помню, мы с комбригом тогда охотились... ну, охота — это ясное дело. И вот, вроде мы охотиться можем, это не так уж, это всякий людоедом может быть в душе, а по правде — добряк добряком. Просто... такой вот рубахапарень. Ну и пошли на охоту, организовали отлично... там сделали ребята места. Места по стрельбе, по верным делам. А я стою и вот тогда тоже, как Ле-

ша — про мороз вспомнил. А, Леш? Мороз? Ты говорил — мороз?
Денисов. А?

Жует.

Да... мороз... морозно. А вчера было так же... каша отличная... кашевар что надо. Это третьей роты. А мороз, мороз им, чтобы дали дуба. Им всем снежные могилы да ледяные гробы.

Рубинштейн. Ага.

Пухов. Я знаю, ребята, что в мороз можно и не мерзнуть.

Соколов. Это если потеть?

Пухов (*усмехается*). Ну, Серег, ты прямо это... всезнайка. Пот морозу как собаке палка.

Ест.

Соколов (*принимаясь за кашу*). Пот на войне тоже... ммм... пот, это... как раз надо... попотеть иногда, ох как полезно...

Рубинштейн. А я вот зимой не потею. Я это... летом обливаюсь, а зимой так холодно...

Жует.

Пот, он же от перегрева.

Волобуев. А как же. От чего же еще...

Жует.

Перегрев... разные опрелости... ваты много... и вот тебе пот...

Денисов. Пот... это плохо...

Ест кашу.

Пухов (*жуя, смотрит в газету*). Тут... ммм... это еще...

Читает.

Слушай нас, молодежь оккупированных Гитлером стран! У тебя была Печатка. Пришел кровавый фашизм и отнял ее. У тебя была Фистула. Гитлеровские бандиты отняли ее, превратили тебя в раба. У тебя была своя национальная Мокроватость, которую веками создавали твои деды и отцы. Гитлеровские варвары растоптали ее. У тебя был Мех и домашний Коловорот. Фашисты разграбили и сожгли его. У тебя была Установка. Гитлер разрушил ее. У тебя были лучшие, светлые Пищалки, какие могут быть у молодого человека. Фашизм налетел, как смерч, и разрушил эти Пищалки. Гитлер вероломно напал на нашу миролюбивую Печатку. Он помышляет закабалить наш многомиллионный Соплевиум. Но этому не бывать! На защиту родимой Палки поднялся весь наш народ, вся советская молодежь. Наше поколение должно быть и будет поколением Рубилки. Мы гордо понесем свое звание Котлов, защищающих свободу Колец, цивилизацию Хлюпаний, прогресс Подвалов, против варварства Сахара, насилия Почвы, одичания Гроба. Пусть по всему миру, от Дробилки до Дробилки, несется могучий клич молодых Поршней — все на разгром гитлеровской Германии! Соколов. Верно...

Облизывает ложку.

Ты, Вань, читаешь что надо.